

АНАТОЛИЙ ПАРПАРА

ВАДИМ КОЖИНОВ И “МОСКВА”

Сообщение о публикациях только в одном журнале

Впервые я обратил внимание на Вадима Кожина, когда присутствовал 21 декабря 1977 года в Центральном доме литераторов на дискуссии “Классика и мы”. Со своим пониманием этой животрепещущей проблемы выступали Петр Палиевский, Станислав Куняев, Анатолий Эфрос, Феликс Кузнецов, Евгений Евтушенко, Александр Борщаговский, Сергей Ломинадзе, Михаил Лобанов, Сергей Машинский, Инна Ростовцева, Инна Роднянская, Вадим Кожин и другие. Говорили резко, запальчиво, противоборчески. Проблемы обострялись впервые так легально и так конкретно. Через четырнадцать лет трещина в мировоззрениях выступавших стала пропастью, разделившей их по нравственной линии. А через тридцать три года, сегодня, нам ясно, кто стоит и по какую сторону баррикад. Но тогда, успокоенные долгим миром, многие из нас близоруко не понимали, что третья мировая война, холодная или горячая, но продолжалась.

Точнее всех эту тревогу выразил тогда Юрий Селезнев: “. . . классическая, в том числе и русская классическая литература, сегодня становится едва ли не одним из основных плацдармов, на которых разгорается эта третья мировая идеологическая война. И здесь мира не может быть, его никогда не было в этой борьбе, и я думаю, не будет до тех пор, пока эта борьба. . . пока мы не осознаем, что эта мировая война должна стать нашей Великой Отечественной войной – за наши души, за нашу совесть, за наше будущее, пока в этой войне мы не победим” (“Москва”. Дискуссия “Классика и мы”. 3/1990. С. 191).

Да, идет война. И мы ощутили ее дыхание на своей коже, когда в том же 1977 году на Юрия Селезнева, Геннадия Серебрякова, Вадима Кузнецова и Анатолия Парпару по личному указанию небезызвестного “серого кардинала” Суслова обрушилась вся пропагандистская машина, обвиняя нас ни больше, ни меньше как “в желании поссорить – рабочий класс и крестьянство” и требуя исключения из Союза писателей СССР и партии. Благодаря поддержке наших друзей и мужеству осуждаемых удалось отстоять свою правоту. Но Юрий Селезнев так и погиб вскоре на этой войне, как и многие другие подвижники национальной идеи: Галина Литвинова, экономист Кузмич, Игорь Тальков. . .

Активная многолетняя деятельность Вадима Валерьяновича на культурной ниве дала нам блистательные образцы умной, высокоорганизованной борьбы с чуждой идеологией, с агрессивным дилетантством, с наивной глупостью. В том же разгоряченном зале ЦДЛ прозвучала взволнованная речь Кожина, в которой он привел несколько примеров невежества известных публицистов и писателей, в частности, Л. Жуховицкого, который утверждал в “Литератур-

ной газете”, что “каждая вторая десятиклассница чувствует в сто раз богаче, чем пушкинская Татьяна”. Кожинов рассказал о постановках спектаклей иных режиссеров, проводивших свои новации по классическому тексту так, что от классики мало что оставалось. Цитирую его выступление: “Вот я скажу, например, что Мейерхольд совершенно открыто, без всякого, так сказать, забрала выступал против русской классики”. Защищая П. Палиевского и Ст. Куняева от нападков, он упрекнул оппонентов в том, что те обвиняют выступавших в антисемитизме. “Я заранее хочу сказать, что с презрением отвергаю ту истерику, которая здесь по этому поводу совершилась” (там же, с. 192). Кожинов уже тогда понимал, что идет подмена серьезного разговора о нравственных проблемах путем навешивания ярлыков.

Запись дискуссии “Классика и мы” была опубликована только в 1990 году в первых трех номерах журнала “Москва”.

Я просмотрел подборки журнала с 1957 года (кроме 1960 и 1961 гг.) по 2001-й, т. е. по год смерти Вадима Валерьяновича. И выбрал все кожиновские публикации независимо от жанра их: научное исследование ли, статьи ли, рецензии ли, интервью или ответ на анкету, участие в дискуссии или напутствие. Всего оказалось 16 материалов. Причем 13 из них укладываются в последнее десятилетие жизни ученого и публициста.

И это на прострaнстве только одного журнала. А было еще множество публикаций в журналах “Наш современник”, “Русская провинция”, в “Литературной газете”, “Литературной России”, в научных журналах и сборниках...

Вот серьезный вывод, важный для понимания духовной жизни советского периода, сделанный критиком после прочтения жизнеописания выдающегося философа Алексея Федоровича Лосева, исполненного его супругой – Азой Алибековной: “Книга Тахо-Годи убедительно опровергает широко пропагандируемое сейчас представление, согласно которому в России до последнего времени духовная жизнь не существовала или, по крайней мере, чуть-чуть теплилась. Верно то, что на “официальном” уровне эта жизнь игнорировалась и даже подавлялась. Но, как ясно из книги, духовное творчество А. Ф. Лосева прямо и непосредственно воспринимало множество людей. А это, может быть, самый прекрасный удел мыслителей, не столь уж часто выпадающий на их долю...” Вадим Кожинов. Была ли духовная жизнь? (Тахо-Годи А. А. Лосев). (12/1997. С. 143).

“Лосев, конечно, не ограничивался общением с людьми: он оставил многотомное собрание сочинений. И если его первые книги (одна из них в 1930 году как раз и легла в основу “обвинений” в “преступных” деяниях и воззрениях – в том числе в “черносотенстве” – и привела его в лагерь...) оставались до самого последнего времени крайне малоизвестными, то, скажем, его изданная в 1978 году тиражом в 50 000 (!) экземпляров “Эстетика Возрождения” немедля разошлась и сыграла весомейшую роль в общественном сознании. Она противустала господствующей точке зрения на эпоху Возрождения (в ходе которой, в частности, были зверски казнены сотни тысяч людей) как на некий “рай”. И своего рода ключевыми для понимания и того времени в Западной Европе, и эпохи Российской революции стали лосевские слова о великой правде шекспировского искусства – слова “о горе трупов, которой кончается каждая трагедия Шекспира” (как, скажу от себя, и “Тихий Дон”).

Еще один пример его высокого профессионализма. Известно, как Вадим Валерьянович любил русскую поэтическую классику, писал книги о поэзии: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Рубцов – были предметом его глубокого интереса. “Свидетельства “без купюр” – так называлась рецензия В. В. Кожинова на книгу Гуслярова Е. и Карпухина О. “Лермонтов в жизни” (“Москва” 12/1998).

Рассуждения Вадима Валерьяновича свидетельствуют о глубоком понимании им жизнедеятельности великого поэта и его поэзии: “Для творчества поэта его способность одновременно и подниматься в горние выси, и спускаться в “преисподнюю” исключительно ценна, – утверждает В. Кожинов. – Этот не ограниченный ни сверху, ни снизу – “вертикальный” – творческий диапазон (“горизонтальный”, захватывающий широкий круг явлений мира, значительно менее “ценен”) во многом определил ту совершенно особенную, поистине уникальную притягательность творчества Лермонтова, благодаря которой он является “самым любимым” поэтом едва ли не для преобладающего большинства русских людей”.

Среди многих проблем, связанных с изучением взаимоотношений Лермонтова с окружающим миром, критик выделяет одну – “поэт и император”, тенденциозно подаваемую в советском литературоведении. На конкретных примерах он убеждает нас в спорных, а порой и неточных выводах некоторых исследователей на основании неправильного сопоставления фактов или неверного прочтения конкретного слова (тонкие наблюдения, основанные на знании лексики 1-й половины XIX века).

Только один пример: “Е. Гусляров и О. Карпунин приводят резко критическое высказывание Николая I об образе Печорина. Но, дабы правильно понять императора, целесообразно было бы отметить, что примерно так же “оценивали” сей образ люди славянофильского круга, в особенности Шевырев, и, как ни парадоксально, Чернышевский и Добролюбов. Первые считали Печорина своего рода антиподом патриотического деятеля, вторые – “революционного” деятеля, а Николай I, очевидно, – истинного офицера, защитника государства (император очень высоко оценил образ Максима Максимовича)...”

От себя добавим, что не только “люди славянофильского круга” так считали (например, Н. М. Языков резко не принял “Героя нашего времени”), – все истинно православные люди, а император был глубоко верующим человеком (см. статью Вл. Соловьева “Памяти Императора Николая I”, 1896).

Кожин не боялся отстаивать свою точку зрения на отечественную культуру, которая расходилась с официальными взглядами. Вадим Валерьянович даже такую специфическую тему, как “ленинская концепция национальной культуры” (статья “Уроки истории”, “Москва”, 11/1986), использует для серьезного просветительского разговора.

Приводя множество примеров неуважительного, а то и наплевательского отношения к отечественной истории – касается ли это сноса памятников древней культуры, церквей, или выброса части текста, или искажения при переиздании книг, цитируя духовных вандалов – в частности такие чудовищные по цинизму стихи Д. Алтаузена:

*Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.*

*Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь, они спасли Расею!
А может, лучше было не спасать? —*

В. Кожин пишет: “Кое-кто может удивиться, – зачем сегодня все это беречь, мол, время все поставило на свои места. Но в том-то и дело, что не поставило, и незнание печальных страниц своей истории мешает нынешнему молодому поколению понять многое из того, что происходит сегодня, что является ответом на те, нередко зловещие, деяния, совершившиеся во имя “революционных” завоеваний” (С. 194).

Написанное двадцать лет назад и сегодня актуально. Вы думаете, что нет нынче “духовных вандалов”? Есть. Среди нас их немало. За примером далеко ходить не надо. В январском номере журнала “Экспресс” ОАО “Российские железные дороги” за 2004 год появилась большая статья некоего Алекса Нирвала под названием “Большой обман”. Прямо по центру первой полосы набрано крупным шрифтом и выделено малиновым цветом следующее утверждение: “Все врут календари... Бессмертную фразу грибоедовского героя с полным основанием можно отнести к учебникам российской истории. Если начать подробно, методично, без предубеждения разбирать описанные в них события, выясняется: около 90% из того, что нам вдалбливали с детства, – откровенная фальсификация. Да-да, почти 90%! Призвание на Русь варягов, Куликовская битва, подвиг Ивана Сусанина – все это, увы, циничные подтасовки или в лучшем случае плоды романтической фантазии летописцев и историков”.

Как этот борзописец, укрывшийся под таким невзрачным псевдонимом (кстати, Алекс Нирвал легко расшифровывается), трансформирует историче-

ские события на современность – станет понятно на таком примере: “Мамай выступил против Тохтамыша, когда князь Дмитрий был совсем юн и Московским княжеством правил митрополит Алексей. Темник, кстати, хотел дружить с Москвой, и в том, что ее жители встали на сторону Тохтамыша, виноват Сергей Радонежский, воспротивившийся союзу с Крымом по очень простой причине: генуэзцы, союзники Мамаю, просили разрешения покупать меха на Русском Севере. Сергей же считал, что с латинянами дела иметь нельзя. Не любил он католиков, и все тут. А может, у него были свои интересы в сфере торговли мехом?”

И далее идут заимствования из книг академика Фоменко, Льва Гумилева и других в таком же вульгарном пересказе. Я не вижу смысла оспаривать подобное. Здесь впору последовать совету академика Рыбакова, который он мне дал в 1998 году, когда я спросил его, как относиться к историческим изысканиям математика Фоменко: “Лучшим ответом будет гробовое молчание”. И это справедливо. Но не в отношении такого мощного полемиста, каким был Кожин.

Особого разговора стоит его статья “Внимание: литература США сегодня”, в которой шла речь о постмодернизме. В его основе, писал литературовед, “лежит идея полной бессмысленности, абсурдности всего человеческого бытия и прежде всего – созданной людьми культуры; отсюда проистекает обозначение наиболее заостренных выражений постмодернизма словом контркультура” (“Москва” 11/1982. С. 181). О влиянии “контркультуры”, а также неоконсерваторов, их апологетов на литературу и политику и говорится в этой статье В Кожина. Прочитать заключительную мысль автора могу с удовольствием: “На самом деле перед нами, так сказать, две стадии развития одного литературного и, шире, идеологического явления. Различие состоит в том, что постмодернисты стремились оттеснить или вообще уничтожить подлинную культуру американского народа с помощью и во имя нигилистических идей авангардизма, а неоконсерваторы стремятся делать то же самое с помощью традиционных мифов. Цель же и на той, и на другой “стадии” одна: превратить американский народ в послушное орудие международного империализма и сионизма” (там же. С. 191).

И, продолжая эту тему на современном уровне, я задам вам, уважаемые читатели, одну загадку, которую опубликовала в своем элитном приложении за март несколько лет назад очень элитная газета “Дача на Рублевке”. Цитирую из заметки “Владимир Слуцкер пожертвовал 250 000 долларов”: “Еврейские организации России восприняли избрание Слуцкера (президентом Еврейского конгресса. – А. П.) как признак грядущего сближения между Конгрессом и властями. Об этом свидетельствует тот факт, что Кремль публично поздравил его с новой должностью – раньше такого не случалось.

А тем временем президент фонда “Холокост” Алла Гербер считает, что в целях борьбы с антисемитизмом в России нужно предпринять такие же меры политкорректности, какие в свое время были предприняты в США в целях борьбы с белым расизмом. Российское общество должно пройти через это и научиться всему, чему научились за это время американцы – считает госпожа Гербер”.

Так что же нам, “российскому обществу”, готовит госпожа Гербер? Каким “мерам политкорректности” научит она нас “в целях борьбы с антисемитизмом”? Что стоит за этим? Какое новое потрясение России?..

Необъятен круг интересов Кожина-исследователя, невероятна компетенция его в различных сферах национальной и мировой культуры, многолика эрудиция его. Журнальные публикации, рецензии, анкеты, как кусочки смальты, создают многоцветный, многосмысловый портрет Вадима Валерьяновича – активного деятеля русской культуры второй половины XX столетия, подвижника русской мысли, принципиального борца за духовное возрождение России.

---

*Поздравляем нашего старого товарища, замечательного поэта
Анатолия Анатольевича Парпару с 70-летием*

Редакция